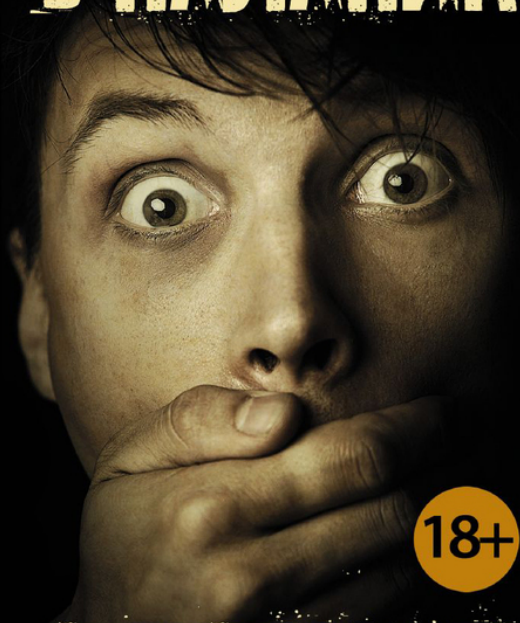

ЧАК ПАЛАНИК

18+

УДУШЬЕ

РОМАН

Чак Паланик

Удушье

Текст предоставлен издательством «АСТ»

<https://litres.ru/168361>

Удушье: АСТ, ВЗОИ; Москва; 2006

ISBN 978-5-17-022479-1, 5-17-022479-6, 5-9602-0388-X

Аннотация

Книга о молодом мошеннике, который каждодневно разыгрывает в дорогих ресторанах приступы удушья – и зарабатывает на этом неплохие деньги... Книга о сексоголиках, алкоголиках и шмоткаголиках. О любви, дружбе и философии. О сомнительном «втором пришествии» – и несомненной «невыносимой легкости бытия» наших дней. Впрочем... сам Паланик говорит о ней: «Собираетесь прочесть? Зря!» Короче – читайте на свой риск и страх!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Если вы собираетесь это читать, то не надо.

Все равно через пару страниц вам захочется отложить книжку. Так что лучше и не начинайте. Бросайте. Бросайте, пока не поздно.

Спасайтесь.

Посмотрите программу – по телевизору наверняка будет что-то поинтереснее. Или, если у вас столько свободного времени, запишитесь на вечерние курсы. Выучитесь на врача. Сделайте из себя человека. Доставьте себе удовольствие – сходите поужинать в ресторанчик. Покрасьте волосы.

Годы идут, и никто из нас не молодеет.

То, о чем здесь написано, вам не понравится сразу. А дальше будет еще хуже.

Это – глупая история о глупом мальчишке. Глупая и правдивая история про придурка, с которым вы точно не стали бы знаться в реальной жизни. Вот он, истеричный маленький засранец, ростом вам где-то по пояс, с жиденькими светлыми волосенками, зачесанными на косой пробор. Вот он, мелкий гаденыш, – улыбается со старых школьных фотографий: молочных зубов кое-где не хватает, а нормальные зубы растут вкривь и вкось. Вон он, в своем идиотском свитере в синюю с желтым полоску: подарок на день рождения, когда-то – самый любимый. Ногти вечно обкусаны. Любимая обувь –

кеды. Любимая еда – говенные корн-доги.¹

Вот он, малолетний придурок, – в украденном школьном автобусе, с мамой, после обеда. Сидит на переднем сиденье, разумеется, не пристегнувшись. У их мотеля стоит полицейская машина, и мама гонит на скорости шестьдесят – семьдесят миль в час.

Это история про глупого маленького крысеныша, грубияна и плаксу, который – можете даже не сомневаться – был самым противным и гадким ребенком на свете.

Мелкий поганец.

Мама говорит:

– Нам надо спешить, – и они мчатся в гору по скользкой узкой дороге, задние колеса виляют по льду. В свете фар снег кажется синим. Синий снег – от обочины до темного леса.

И это все он виноват. Только он. Маленький раздолбай.

Мама останавливает автобус, чуть-чуть не доехав до подножия скалистой горы, и свет фар упирается прямо в белую плоскость, и она говорит:

– Дальше мы не поедem. – Слова вырываются белыми облаками пара, большими-большими, и сразу понятно, какие сильные у нее легкие.

Мама ставит автобус на ручной тормоз и говорит:

– Выходи, но пальто оставь здесь, в автобусе.

¹ Корн-доги – corn dogs, сосиски в тесте, типа классических хот-догов, поверхность которых имеет специфичный рельеф, напоминающий по форме початок кукурузы. Отсюда и пошло название этого блюда. Corn в переводе с английского – кукуруза. –Здесь и далее примеч. пер.

И вот этот маленький и безмозглый свинтус даже не возражает, когда мать ставит его прямо перед автобусом. Этот поддельный Бенедикт Арнольд в миниатюре² просто стоит на месте, в свете включенных фар, и дает матери снять с себя свитер. Любимый свитер. Этот маленький ябеда просто стоит полуголый в снегу, а мотор все гудит и гудит, и звук отражается эхом в скалах, а мама исчезла где-то у него за спиной – в холоде и темноте. Свет фар слепит глаза, и гул мотора перекрывает сухой скрежет деревьев, трущихся друг о друга ветками на ветру. Воздух такой холодный, что дышать можно только вполсилы; воздуха не хватает, и наш мелкий слизняк пытается дышать быстрее.

Он не убегает. Он вообще ничего не делает.

Мама говорит откуда-то из-за спины:

– Только не оборачивайся.

Мама рассказывает, что давным-давно, в Древней Греции, жила-была очень красивая девушка, дочь гончара.

Как всегда, когда мама выходит из тюрьмы и возвращается, чтобы забрать его, они постоянно в пути. Каждую ночь – в новом мотеле. Едят в придорожных закусовых и едут, едут и едут. Весь день, каждый день. Сегодня в обед мальчик набросился на свой корн-дог, пока тот был еще слишком горячим, и проглотил его чуть ли не целиком, но корн-дог

² Бенедикт Арнольд (1741–1801) – герой войны за независимость, американский генерал, ставший впоследствии предателем и изменником. В Америке его имя стало нарицательным именем изменника и предателя.

застрял в горле, и мальчик не мог ни дышать, ни говорить. Мама вскочила из-за стола и бросилась к нему.

Две руки обхватили его сзади, подняли над полом, и мама шептала:

– Дыши! Дыши, черт возьми!

Потом мальчик плакал, и весь ресторан собрался вокруг.

И вот тогда ему показалось, что им действительно не безразлично, что он чуть не умер. Все эти люди – они обнимали его, гладили по голове. Все его спрашивали: ты как, в порядке?

Казалось, что это продлится вечность. Все было так, как будто надо почти умереть, чтобы тебя полюбили. Как будто надо зависнуть на самом краю – чтобы спастись.

– Ну ладно, – сказала мама и вытерла рот, – получается, я подарила тебе жизнь, еще раз.

А потом официантка узнала его по фотографии на старом молочном пакете, и они с мамой поспешно ушли и вернулись обратно в отель, на скорости семьдесят миль в час.

По дороге они заехали в магазин, и мама купила баллончик черной краски.

И вот теперь – после всей этой бешеной гонки – они приехали непонятно куда, непонятно зачем, посреди ночи.

Глупенький маленький мальчик стоит в свете фар. Он слышит, как у него за спиной мама встряхивает баллончик с краской, круглый камушек внутри баллончика бьется о стенки, и мама рассказывает ему, что у той девушки из Древней

Греции был возлюбленный.

– Но юноша был из другой стороны, и ему надо было вернуться домой, – говорит мама.

Раздается шипение, и мальчик чувствует запах краски. Мотор все гудит и гудит, теперь – громче, и автобус слегка покачивается, переваливаясь с шины на шину.

И вот в последнюю ночь, когда девушка и ее возлюбленный были вместе, говорит мама, девушка зажгла лампу и поставила ее так, чтобы тень юноши легла на стену.

Шипение краски идет с перерывами. Короткое шипение, пауза. Шипение подлиннее, и снова пауза.

И мама рассказывает, как девушка обвела на стене тень возлюбленного – чтобы у нее хоть что-то осталось от их любви. Память об этих последних мгновениях, когда они были вместе.

Наш плаксивый поганец просто стоит, щурясь на свет от фар. Глаза слезятся, но когда он их закрывает, он все равно видит сияющий свет – красный-красный – прямо сквозь сомкнутые веки, сквозь свою собственную плоть и кровь.

И мама рассказывает, что на следующий день возлюбленный уехал, но его тень осталась.

Лишь на секундочку мальчик оборачивается назад, где мама обводит по контуру его глупую тень на скале – только мальчик стоит далеко, и поэтому его тень получается на голову выше мамы. Его тонкие руки кажутся крепкими и большими. Короткие ноги вытянулись, стали длинными. Узкие

плечики развернулись широко-широко.

И мама говорит ему:

– Не смотри. И не шевелись, а то все испортишь.

И вредный маленький сплетник опять поворачивается к свету фар.

Краска шипит, а мама рассказывает, что именно так изобрели живопись. До Древней Греции никакого искусства не было вообще. А потом отец девушки слепил из глины фигуру юноши, по модели контура на стене – и так изобрели скульптуру.

Мама говорит, очень серьезно:

– Искусство рождается только от горя. И никогда – от радости.

Именно так появились символы.

Мальчик стоит в свете фар, теперь его бьет озноб, но он старается не шевелиться, а мама делает свое дело и говорит, обращаясь к огромной тени, что когда-нибудь он научит людей всему, чему его научила она. Когда-нибудь он станет врачом и будет спасать людей. Возвращать им счастье. И даже кое-что лучше счастья: покой.

И все будут его уважать.

Когда-нибудь.

Это уже после того, как мальчик узнал, что Пасхального Зайца нет. Уже после Санта-Клауса, и Зубной Феи, и святого Кристофера, и законов Ньютона, и модели атома Нильса Бора – но этот глупенький-глупенький мальчик все еще ве-

рит маме.

Когда-нибудь, когда мальчик вырастет и станет большим, говорит мама тени, он вернется сюда, на это место, и увидит, что вырос точно до тех очертаний, какие она запланировала для него сегодня.

Голые руки мальчишки покрылись мурашками.

Он весь дрожит от холода.

И мама ему говорит:

– Не трясись, черт тебя побери. Стой спокойно, а то все испортишь.

И мальчик пытается убедить себя, что ему тепло, но свет фар – пусть и яркий – не дает никакого тепла.

– Мне нужна четкая линия, – говорит мама. – Если будешь дрожать, то все смажется.

И только потом, много лет спустя, когда этот маленький неудачник окончил с отличием колледж и поступил на медицинский факультет Университета Южной Каролины – когда ему было уже двадцать четыре и он учился на втором курсе, когда маме поставили диагноз и его назначили ее опекуном, – только тогда до него дошло, до этого маленького сопливого ябеда, что вырасти сильным, богатым и умным – это лишь первая половина в истории твоей жизни.

А сейчас у него ломит уши от холода. Голова кружится, дыхание учащено. Грудь покрылась мурашками. Соски затвердели от холода, как два красных прыща, и он говорит себе, этот мелкий слизняк: *На самом деле, так мне и надо.*

И мама ему говорит:

– Хотя бы стой прямо.

Он расправляет плечи и представляет, что свет от фар – это прожектор за спиной расстрельной команды. Воспаление легких – так ему и надо. Туберкулез – так ему и надо.

Смотри также: гипотермия.³

Смотри также: брюшной тиф.

И мама ему говорит:

– Завтра меня уже рядом не будет.

Мотор крутится вхолостую, из выхлопной трубы вырывается синий дым.

И мама говорит:

– Поэтому стой спокойно и не выводи меня из себя, а то я точно тебя отшлепаю.

И уж конечно, этот маленький вредина заслужил, чтобы его отшлепали. Все, что с ним происходит, – это все справедливо. Так ему и надо, сопливному придурку, который действительно верит, что все обязательно станет лучше. Когда-нибудь в будущем. Если ты будешь упорно работать. Если ты будешь прилежно учиться. И быстро бегать. Все будет хорошо, и ты непременно чего-то добьешься.

Резкий порыв ветра – сухой и колючий снег обрушивается с деревьев. Снежинки колют уши и щеки. Снежинки тают между шнурками ботинок.

– Вот увидишь, – говорит мама, – это стоит того, чтобы

³ Гипотермия – общее охлаждение организма.

немножечко пострадать.

Это будет история, которую он будет рассказывать своему сыну. Когда-нибудь.

Та девушка из Древней Греции, говорит мама, она больше не видела своего возлюбленного. Никогда.

И глупый мальчик действительно верит, что картина, скульптура или история и вправду способны заменить тебе человека, которого ты любишь.

И мама говорит:

– У тебя еще все впереди.

В это трудно поверить, но глупенький маленький мальчик – ленивый, смешной и нелепый – просто стоит и дрожит от холода, щурясь при свете фар, и ни капельки не сомневается, что у него все будет хорошо. Когда-нибудь в будущем. Он пока еще не понимает и поймет еще очень не скоро, что надежда – это просто очередной переходный период, который надо перерасти. Он верит, что это возможно – создать что-то такое, что останется на века.

Теперь при одном только воспоминании об этом он себя чувствует идиотом. Удивительно даже, как он прожил так долго.

Так что если вы собираетесь это читать, то не надо.

В этой истории не будет доброго, смелого, преданного героя. Герой этой истории – не тот человек, в которого можно влюбиться.

Просто для сведения: то, что вы собрались читать, – это

жесткая и безжалостная история закоренелого наркомана. Потому что почти во всех реабилитационных программах, рассчитанных на двенадцать ступеней, четвертым пунктом стоит задание описать свою жизнь. Во всех подробностях. Каждый срыв, каждый проступок, каждая гадость, которую ты сотворил, – надо все это записывать. Полная опись твоих грехов. Таким образом, ты их как бы осознаешь. Для себя. И потом вроде как больше не повторяешь. По крайней мере пытаешься не повторить. Подобные программы существуют для алкоголиков, наркоманов, обжор и людей, страдающих секс-зависимостью. Одержимых сексом.

Таким образом, у вас всегда есть возможность вернуться в прошлое – к самым поганым моментам из вашей жизни.

Потому что считается: тот, кто не помнит своего прошлого, обречен повторять его вновь и вновь.

Так что, если вы все-таки это читаете... сказать по правде, это не вашего ума дело.

Тот глупый маленький мальчик, та холодная ночь, все это – очередная бредятинка, чтобы было о чем подумать во время секса. Чтобы подольше не кончить. Ну, то есть если вы парень.

Тот мелкий засранец, которому мама сказала:

– Еще немножко, совсем чуть-чуть. Потерпи. Постарайся не двигаться. Постарайся, и все будет хорошо.

Как же.

Мама сказала:

– Когда-нибудь ты поймешь, что оно того стоило. Я обещаю.

И маленький глупенький дурачок, самый противный на свете мальчишка, просто стоял полуголый в снегу, и дрожал мелкой дрожью, и действительно верил, что кто-то и вправду может пообещать что-то настолько несбыточное.

Так что если вы думаете, будто вас это спасет...

Будто и вправду есть что-то, что вас спасет...

Это было последнее предупреждение.

Глава 2

Когда я добираюсь до церкви, на улице уже темно. Начинается дождь. Нико ждет у боковой двери, чтобы кто-нибудь ей открыл. Она зябко поеживается. На улице холодно.

– Вот, поддержи пока, – говорит она и сует мне в руку теплый комочек шелка.

Она говорит:

– У меня нет карманов.

На ней – короткое полупальто из поддельной оранжевой замши с ярко-оранжевым меховым воротником. Из-под пальто выбивается подол платья в цветочном узоре. Ноги голые, без колготок. Она поднимается по ступенькам, неловко ступая в своих черных туфлях на высоченных шпильках.

Тряпочка, которую она мне дала, теплая и влажная.

Это ее трусики. И она улыбается.

Внутри, за стеклянной дверью, какая-то женщина возит шваброй по полу. Нико стучит в стекло и показывает на часы у себя на руке. Женщина окунает швабру в ведро. Потом вытаскивает, отжимает, прислоняет к двери и лезет в карман за ключами. Отпирает нам дверь, кричит через стекло:

– Ваша группа сегодня в комнате 234. В классе воскресной школы.

Народ уже собирается. Подъезжают машины, люди поднимаются по ступеням. Я убираю трусики Нико в карман. Все

с нами здороваются, мы здороваемся со всеми. Верьте или не верьте, но вы всех их знаете.

Эти люди – живые легенды. Все эти мужчины и женщины – вы про них слышали. Не могли не слышать.

В 1950-х одна ведущая компания по производству пылесосов внесла небольшое усовершенствование в дизайн. Они поместили в сосущий шланг маленький вращающийся пропеллер с остро заточенными лопастями – на расстоянии в несколько дюймов от края. Идея была такая: входящий воздух вращает пропеллер, и он разрезает нитки, собачью-кошачью шерсть и вообще всякий мусор, который может забить шланг.

Да, идея была неплохая.

А что из нее получилось? Многим из этих мужчин пришлось обращаться в травмопункт с покалеченным членом.

Во всяком случае, так говорят.

Или вот еще старая городская легенда про симпатичную домохозяйку, которой друзья и родные решили устроить сюрприз на день рождения. Они все потихонечку собрались в дальней комнате, а когда всей толпой завалились в гостиную с криками «С днем рождения!», они обнаружили, что виновница торжества лежит полуголая на диване, а собачка – любимица всей семьи – лижет ее между ног, где намазано арахисовым маслом...

Так вот, это было на самом деле.

Или та легендарная тетка, которая обожала делать парням

минет, когда они за рулем, только однажды ее кавалер потерял управление и так резко вдарил по тормозам, что она откусила ему половину. Я лично знаю обоих.

Все эти мужчины и женщины – они все здесь.

Именно из-за них в каждом травмопункте среди хирургических инструментов обязательно есть дрель с алмазным сверлом. Чтобы просверливать дырки в толстых донышках стеклянных бутылок из-под шампанского или содовой. Потому что пока не просверлишь дырку, бутылку не вынуть – из-за давления.

Люди приходят в травмопункт среди ночи и заявляют, что оступились и упали прямо на кабачок, или на лампочку, или на куклу Барби, или на бильярдный шар, или на домашнюю крысу, которая так некстати подвернулась под ноги.

Смотри также: бильярдный кий.

Смотри также: плюшевый хомячок.

Они постоянно поскользываются в душе и садятся точнехонько задницей на густо смазанный жирным кремом бутылечек с шампунем. Вечно на них нападают на улице извращенцы-маньяки и насилуют их посредством свечей, бейсбольных мячей, сваренных вкрутую яиц, электрических фонариков и отверток, которые теперь надо вынуть. Я знаком с несколькими парнями, которые застревали в сливных отверстиях своих джакузи.

Уже в коридоре, на полпути к комнате 234, Нико отводит меня в сторону – к стене. Дождется, пока мимо нас не

придут какие-то люди, и говорит:

– Я знаю здесь одно место, куда можно пойти.

Все остальные заходят в класс воскресной школы, и Нико улыбается им вслед. Вертит пальцем у виска – международный жест, означающий «вот придурки», – и говорит:

– Неудачники.

Она тащит меня к двери, на которой написано «Ж».

Среди народа, который заходит сейчас в комнату 234, есть подложные врачи, которые любят подробно расспрашивать четырнадцатилетних школьниц о том, как выглядит их влагалище.

Есть среди них одна девушка из группы поддержки школьной спортивной команды, у которой однажды раздуло живот, и врачи выкачали из нее фунт спермы. Ее зовут Лу-Энн.

Парня, который, сидючи в кинотеатре, засунул член в дырку в коробке с попкорном, где оный член благополучно застрял, зовут Стив, и сейчас он сидит за разрисованной партой в классе воскресной школы, втиснув свою скорбную задницу в детский пластиковый стульчик.

Все эти люди, которых вы воспринимаете как анекдотических персонажей. Вам смешно? Ну так смейтесь.

Все они – самые настоящие сексуальные маньяки.

Все эти люди, которых вы воспринимаете как выдуманных героев, – они настоящие. У каждого есть лицо и имя. Семья и работа. Университетский диплом и досье арестов.

В женском туалете Нико тянет меня на холодный кафельный пол, присаживается надо мной на корточки и вынимает мое это самое из штанов. Свободной рукой она приподнимает мне голову и впивается губами мне в губы. Ее язык бьет у меня во рту. Большим пальцем она размазывает смазку по моей головке. Я уже возбужден и готов. Она стягивает мои джинсы на бедра. Приподнимает подол своего цветастого платья. Ее глаза закрыты, голова слегка запрокинута. Она садится на меня верхом и что-то шепчет, уткнувшись губами мне в шею.

Я говорю:

– Ты такая красивая.

Нико слегка отстраняется, пристально смотрит и говорит:

– И что это значит?

И я говорю:

– Я не знаю. Наверное, ничего, – говорю. – Забей.

Кафель пахнет дезинфицирующим раствором. Кафель шершавый и жесткий под моей голой задницей. Потолок тоже выложен кафелем. Вентиляционные решетки забиты пылью. От ржавого металлического контейнера для использованных салфеток пахнет несвежей кровью.

– А увольнительная у тебя с собой? – говорю я и щелкаю пальцами.

Нико слегка приподнимет бедра и опять опускается на меня, приподнимается и вновь опускается. Ее голова по-прежнему запрокинута, глаза по-прежнему закрыты. Она лезет за

пазуху, достает сложенный листок голубой бумаги и роняет его мне на грудь.

Я говорю:

– Хорошая девочка, – и достаю ручку из кармана рубашки.

Нико приподнимается с каждым разом чуть выше и опускается жестче. Слегка раскачивается вперед-назад. Вверх-вниз, вверх-вниз.

– Развернись, – говорю я. – Развернись.

Она приоткрывает глаза и глядит на меня сверху вниз, я верчу ручкой в воздухе, как будто размешиваю сахар в кофе. Зернистый кафель врезается в спину даже сквозь рубашку.

– Развернись, – говорю. – Давай, детка.

Нико закрывает глаза и подбирает подол обеими руками. Потом переносит одну ногу у меня над животом, а вторую перебрасывает мне через ноги. Она по-прежнему сидит на мне верхом, но теперь спиной ко мне.

– Хорошо, – говорю я и разворачиваю голубой листок. Расправляю его у нее на спине и расписываюсь внизу, в графе «поручитель». Сквозь платье я чувствую, как выпирает застежка лифчика – эластичная полоска с пятью-шестью крошечными металлическими крючками. Я чувствую, как выпирают ее ребра – сквозь толстый слой мускулатуры.

Прямо сейчас в комнате 234 сидит подружка кузена вашего лучшего друга, та самая девушка, которая чуть не умерла, удовлетворяя себя рычагом переключения передач в «форде

пинто», когда наелась шпанской мушки. Ее зовут Менди.

И парень, который проник в гинекологическую больницу под видом доктора и затеял осмотр пациенток.

И мужик, который разъезжает по разным мотелям и по утрам притворяется спящим – голый поверх покрывала, – дожидаясь прихода горничной.

Все эти пресловутые приятели знакомых наших друзей... они все там.

Человек, покалеченный электрическим доильным аппаратом, – его зовут Говард.

Девушка, которая повесилась голой на перекладине для душевой занавески и едва не умерла от аутоэротической асфиксии, – это Пола, и она законченная сексоголичка.

Привет, Пола.

Дай мне свои подземные зонды. Свои проблесковые маяки.

Эксгибиционистка, полностью голая под плащом.

Мужики, которые устанавливают миниатюрные видеокамеры в толчках женских сортиров.

Парень, втирающий свою сперму в клапаны депозитных конвертов у банкоматов.

Вуайеристы. Нимфоманки. Похотливые старики. Онанисты.

Сексуальные маньяки-маньячки. Злые и страшные буки, которыми мамы пугали нас в детстве.

Мы все здесь. Живые и нездоровые.

Это мир сексуальной зависимости на двенадцать ступеней. Мир болезненного влечения. Вызывающего сексуального поведения. Каждый вечер они встречаются в задней комнате в какой-нибудь церкви. В конференц-зале в каком-нибудь общественном центре. В каждом городе. Каждый вечер. Они даже проводят виртуальные конференции в Интернете.

Мой лучший друг Денни – мы познакомились на собрании сексоголиков. Денни уже дошел до того состояния, когда ему было необходимо мастурбировать по пятнадцать минут ежедневно, чтобы не загнуться от сперматоксикоза. В конце концов он уже просто не мог сжимать руку в кулак и начал всерьез опасаться, что в перспективе ему может стать плохо от такого количества вазелина.

Он хотел перейти на какой-нибудь лосьон, но все средства для смягчения кожи в данном случае оказались неэффективны.

Денни и все эти люди, которых вы считаете извращенцами, или безумцами, или больными маньяками, – они все здесь. Мы собираемся, чтобы поговорить. У нас не много возможностей поговорить о себе откровенно.

Здесь – проститутки и заключенные, совершившие нетяжкие преступления на сексуальной почве, которых выпустили на три часа из тюрьмы. Бок о бок с женщинами, которые любят, когда их насилуют несколько человек сразу, и мужчинами, которые дробчат в книжных у стендов литературы «для взрослых». Уличные проститутки и их клиенты –

все вместе. Здесь. Растлители малолетних и развращенные малолетние – вместе.

Нико приподнимает свою пышную белую задницу и резко опускается на меня. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Тугие стенки влагалища сжимают меня плотно-плотно. Вверх-вниз. Мышцы у нее на руках напрягаются все сильнее. Она держит меня за бедра. Бедра уже онемели и побелели.

– Теперь, когда мы с тобой уже знаем друг друга, – говорю я. – Нико? Я тебе нравлюсь?

Она оборачивается ко мне:

– Когда ты станешь врачом, ты сможешь выписывать рецепты на что угодно, да?

Ну да. Если только вернусь в институт. Медицинский диплом – вещь полезная. В плане – очень способствует многочисленным половым сношениям: девочки сами под тебя ложатся и еще очередь занимают. Я кладу руки на бедра Нико. Наверное, чтобы помогать ей приподниматься. Она кладет руки поверх моих рук. Пальцы у нее мягкие и прохладные.

Она говорит, не оглядываясь на меня:

– Мы тут с подружками поспорили, женат ты или нет. Они говорят, что, наверное, женат.

Я мну в руках ее гладкую белую задницу.

– И на сколько поспорили? – говорю.

И еще говорю, что подружки, возможно, правы.

Все дело в том, что мужчина, воспитанный матерью-одиночкой, женат уже от рождения. Я не знаю, как это объяс-

нить, но пока твоя мать жива, тебе кажется, что все остальные женщины, которые появляются в твоей жизни, не могут быть чем-то большим, чем просто любовницы.

В современной интерпретации мифа об Эдипе, мать убивает отца и ложится с сыном.

И с матерью не разведешься.

И ее не убьешь.

И Нико говорит:

– Что ты имеешь в виду, *все остальные женщины*? Господи, о скольких идет речь? – Она говорит: – Хорошо, что мы пользуемся резинкой.

Для полного списка моих сексуальных партнерш мне надо свериться с записями для четвертой ступени. Со своей аморальной описью. Инвентаризацией. С полной историей моей одержимости – без купюр и цензуры.

Если только я ее закончу. Когда-нибудь.

Для всех этих людей, что собрались сейчас в комнате 234, работа по реабилитационной программе, рассчитанной на двенадцать ступеней, на собраниях сексоголиков – это действительно способ понять себя и излечиться... ну, в общем, вы понимаете.

Для меня это как курсы по повышению квалификации. Полезные советы. Новая техника. Руководство, как, где и с кем – и так, как ты даже мечтать не мог. Новые знакомства. Когда эти люди рассказывают про свою жизнь – это, черт возьми, великолепно. Плюс к тому сюда ходят девочки из

тюремь, которых выпускают на три часа, чтобы они посетили сеансы групповой терапии для секс-зависимых.

Нико – одна из таких девчонок.

Вечер среды – это Нико. Вечер пятницы – Таня. Воскресные вечера – Лиза. Лиза вся желтая от никотина, она даже потеет жидким никотином. Она постоянно кашляет. И она такая худющая, что я почти могу сомкнуть руки у нее на талии. Таня вечно таскает с собой какие-нибудь сексуальные игрушки, как правило – дилдо или нитку латексных бусин. Сексуальный эквивалент сюрприза в коробке с овсяными хлопьями.

Я где-то читал, что красивая женщина – это радость навсегда. Но на своем собственном опыте я убедился, что даже самая распрекрасная женщина – это радость часа на три максимум. Потому что потом она непременно захочет тебе рассказать о своих детских травмах. Самое приятное в этих тюремных девчонках – это когда ты украдкой смотришь на часы и видишь, что уже через полчаса она вернется к себе в тюрьму.

Та же история про Золушку, только в полночь она превращается в преступницу, сбежавшую из тюрьмы.

Я не то чтобы не люблю этих женщин. Я их люблю – как любят красоток с разворотов неприличных журналов, порновидео, Интернет-сайты для взрослых. Для сексоголика тут – вагон любви. И Нико тоже меня не особенно любит.

Любовь – это романтика. А речь идет не о романтике, речь

идет просто об очередной благоприятной возможности. Когда каждый вечер две дюжины сексоголиков собираются за одним столом – в этом нет ничего удивительного.

Плюс еще книжки с советами, как излечиться от секс-зависимости, которые здесь продают. Просто кладезь бесценных советов на тему: сто и один способ, как вы мечтали потрахаться, но не знали – как. Разумеется, все они пишутся для того, чтобы помочь тебе осознать, что ты – секс-джанки. Обычно приводится список «если вы делаете что-то из перечисленного ниже, то вы скорее всего сексоголик». Среди этих полезных подсказок:

Вы прорезаете дырки на плавках или трусах купальника, так чтобы были видны гениталии?

Вы заходите в прозрачную телефонную будку с расстегнутой ширинкой или блузкой и притворяетесь, что говорите по телефону, и при этом стоите так, чтобы прохожие видели ваше белье?

Вы бегаеете на улице без бюстгалтера или без плотного облегающего белья, чтобы привлечь сексуальных партнеров?

Мои ответы на все вопросы: *Раньше – нет, но теперь – да.*

Тем более что здесь, если ты извращенец – это не твоя вина. Сексуальная мания и вызывающее сексуальное поведение – это не обязательно совать каждой встречной свой член, чтобы она тебе отсосала. Это болезнь. Это физическая зависимость, которую скоро должны внести в «Справочник статистической диагностики» под определенным кодом, и лече-

ние будет входить в медицинскую страховку.

Вот один интересный факт: даже Билл Уилсон, основатель Общества анонимных алкоголиков, не сумел преодолеть своей тяги к сексу на стороне и всю свою трезвую жизнь изменял жене и мучился осознанием вины.

Вот одна интересная гипотеза: секс-зависимые люди действительно подсаживаются на гормоны, которые вырабатываются в организме под действием постоянного секса. При оргазме в гипоталамической области головного мозга вырабатываются эндорфины, белковые гормоны, которые снимают боль и действуют как естественные транквилизаторы. На самом деле сексоголикам нужен не секс – им нужны эндорфины. У секс-зависимых от рождения занижен естественный уровень моноаминоксидазы. На самом деле им нужен пептид фенилэтиламин, который вырабатывается в моменты опасности, страстной влюбленности, риска и страха.

Для сексуально зависимых чей-то член, сиськи, задница, клитор, язык – это как доза героина. Всегда под рукой, всегда готовая к употреблению. Мы с Нико любим друг друга, как джанки любит свою дозу.

Нико резко опускается вниз, так что мой причиндал бьет о переднюю стенку ее влагалища. Она облизывает два пальца и трет себе клитор.

– А что, если войдет уборщица? – говорю я.

– Было бы здорово, – говорит Нико. – Это так возбуждает.

Я представляю себе, как от наших с ней упражнений на

навощенном кафеле останется сияющее пятно. Я смотрю на ряд раковин. Лампы дневного света мигают, и на хромированных трубах под каждой раковиной – отражение Нико. Ее длинная шея, запрокинутая голова. Глаза закрыты. Дыхание сбивчивое и неровное. Ее пышная грудь, обтянутая тканью в цветочек. Кончик языка торчит изо рта. Ее секреты – обжигают горячие.

Чтобы не кончить так сразу, я говорю:

– А ты рассказала про нас родителям?

И Нико говорит:

– Они хотят с тобой познакомиться.

Я думаю, что бы сказать еще, но это не важно. Сойдет что угодно. Клизмы, животные, оргии, любая грязная непристойность – здесь никого ничем не удивишь.

В комнате 234 идет сравнение воинских подвигов. Все говорят по очереди. Это – первая часть собрания. Вроде как разогревочная.

Потом ведущий прочитает отрывок из какой-нибудь книжки, и начнется обсуждение сегодняшней темы. Каждый из них работает над одной из двенадцати ступеней. Первая ступень – признать, что ты абсолютно беспомощен. Что ты – законченный сексоголик и уже не можешь остановиться. Первая ступень – рассказать про свою зависимость, во всех неприглядных и стыдных подробностях. Не утаивая ничего.

Сексуальная озабоченность – та же самая наркомания. Ты вроде как понимаешь, что это плохо. И даже пытаешься за-

вязать. Но потом все равно срываешься. Всякий подавленный импульс рано или поздно прорвется. Пока не нашлось ничего, за что можно бороться, можно бороться и против чего-то. Все эти люди, которые бьют себя пяткой в грудь и кричат, что хотят избавиться от своих нездоровых позывов к сексу, – вы их не слушайте. Я имею в виду: что может быть лучше, чем секс?!

Даже самый дурацкий и неумелый минет – это все равно лучше, чем, скажем, понюхать прекрасную розу... или увидеть невообразимый закат. Или услышать радостный детский смех.

Я уверен, что даже самое лучшее, самое проникновенное стихотворение все равно не сравнится с пьянящим, горячим, взрывным оргазмом.

Писать картины, сочинять оперы – надо же чем-то заняться, пока тебе не подвернется очередная особа противоположного пола, которая тоже очень даже не прочь.

Если вы вдруг обнаружите что-то, что лучше, чем секс, сразу звоните мне. Или пишите на пейджер.

Все эти люди, которые сейчас собрались в комнате 234, – они не Ромео, не Казановы и не Дон Жуаны. Не Саломеи и не Маты Хари. Это самые обыкновенные люди. Не красавцы и не уроды. Вы с ними видите каждый день. Живые легенды, которые ездят с вами в одном лифте. Которые подают вам кофе. Эти мифологические существа проверяют у вас билеты в общественном транспорте. Обналичивают ваши чеки.

Преподносят святое причастие.

На полу в женском сортире, под Нико, я кладу руки за голову.

Сейчас у меня нет проблем. То есть вообще никаких. Ни матери. Ни счетов из больницы. Ни дерьмовой работы в музее. Ни лучшего друга-придурка. Ничего.

Я ничего не чувствую.

Чтобы продлить это блаженное забытье, чтобы не кончить прямо сейчас, я говорю Нико, какая она красивая, какая сладкая и как она мне нужна. Ее кожа и волосы. Чтобы продлить удовольствие. Потому что, когда все закончится, я уже не скажу ничего подобного. Когда все закончится, мы с ней сразу же возненавидим друг друга. Когда мы очнемся – замерзшие, потные – на полу в женском сортире, когда мы получим свои оргазмы, нам не захочется даже смотреть друг на друга.

Мы сразу же возненавидим друг друга.

А еще больше – себя.

Только в эти мгновения я могу быть человечным.

Только в эти мгновения я не чувствую себя одиноким.

Нико скачет на мне вверх-вниз. Она говорит:

– Так когда ты меня познакомишь с мамой?

И я говорю:

– Никогда. То есть это в принципе невозможно.

И Нико говорит, вся истекая горячими соками:

– Она что, в тюрьме? Или в психушке?

Ага. Сколько я себя помню.

Верный способ обломать мужика с оргазмом – заговорить о его маме во время секса.

И Нико говорит:

– Или она умерла?

И я говорю:

– Ну, почти.

Глава 3

Теперь, когда я прихожу навестить маму, я даже и не притворяюсь, что я – это я.

Черт, я даже не притворяюсь, что я себя знаю.

Раньше – да, теперь – нет.

Теперь у мамы одно занятие: она худеет. От нее почти ничего не осталось. Она такая худая – как кукла-марионетка. Как какой-нибудь монстр-дистрофик из фильма ужасов. Ее желтой кожи уже не хватает на то, чтобы вместить человека внутри. Ее тонкие кукольные ручки всегда лежат поверх одеяла и щиплют шерстинки. Ее ссохшаяся голова угрожает рассыпаться в пыль вокруг соломинки для питья у нее во рту. Когда я прихожу к ней как я – то есть, как Виктор Манчини, ее сын Виктор, – эти визиты не длятся и десяти минут. Она почти сразу звонит, вызывает дежурную медсестру. А мне говорит, что устала.

Но однажды она почему-то решает, что я – Фред Хастингс, государственный защитник, который несколько раз защищал ее на суде.⁴

Она вся сияет, увидев меня, и откидывается на подушки и говорит, покачивая головой:

– О Фред. – Она говорит: – Да, на этих коробках с крас-

⁴ Государственный защитник – адвокат, назначаемый судом в случае бедности подсудимого.

кой были мои отпечатки пальцев. Я согласна, что это было рискованно и опрометчиво, но согласись – это была замечательная социополитическая акция.

Я говорю, что на видеозаписи с камеры в магазине это выглядело иначе.

Плюс еще – обвинение в киднепинге. Все записано на видео.

Она смеется – на самом деле смеется – и говорит:

– Фред, ты очень сглупил, когда взялся меня защищать.

Она говорила еще полчаса. В основном про тот неправильно понятый инцидент с краской для волос. Потом попросила меня принести ей газету из комнаты отдыха.

В коридоре стоит женщина-врач. В белом халате и с папкой в руках – то есть даже не с папкой, а с такой дощечкой с зажимом, который держит бумагу. У нее длинные темные волосы, собранные на затылке в пучок. Она не накрашена, так что кожа у нее на лице выглядит как просто кожа. В нагрудном кармане халата – очки в черной оправе.

– Вы – лечащий врач миссис Манчини? – задаю я вопрос.

Женщина-врач смотрит в свои бумаги. Потом достает очки, надевает их, смотрит еще раз. При этом она повторяет себе под нос:

– Миссис Манчини, миссис Манчини, миссис Манчини...

Одной рукой она держит дощечку, второй рукой – щелкает шариковой ручкой с убирающимся стержнем.

Я говорю:

– Она по-прежнему теряет вес?

Кожа пробора у доктора в волосах, кожа у нее за ушами – такая чистая, белая. Наверное, и в других местах, где нет загара, она такая же. Если бы женщины знали, на какие мысли наводят мужчин их уши – крепкие мясистые краешки, тень под складочкой наверху, плавные контуры, уводящие по спирали к тесной тугой темноте внутри, – большинство женщин носили бы такие прически, чтобы их закрывать. В смысле – уши.

– Миссис Манчини, – говорит женщина-врач, – необходимо поставить зонд для искусственного кормления. Она чувствует голод, но она забыла, что это чувство означает. Поэтому она и не ест.

Я говорю:

– И сколько такой зонд будет стоить?

– Пейдж? – зовет медсестра из другого конца коридора.

Женщина-врач пристально смотрит на меня – я в коротких штанах и сюртуке, в напудренном парике, чулках и туфлях с огромными пряжками – и говорит:

– И кого вы из себя разыгрываете?

Медсестра зовет:

– Мисс Маршалл?

Я мог бы ей рассказать про свою работу, но это займет много времени.

– Я, как бы это сказать, оплот колониальной Америки первых лет.

– То есть? – уточняет она.

– Слуга-ирландец.

Она просто смотрит на меня, потом кивает. Опускает глаза на свои бумаги.

– Либо мы ставим ей зонд, – говорит она, – либо она умирает от голода.

Я смотрю в темное потайное местечко у нее в ухе и говорю: может быть, есть еще какие-то варианты?

Медсестра в дальнем конце коридора кричит, уперев руки в боки:

– Мисс Маршалл?

Доктор морщится. Поднимает вверх указательный палец, прерывая меня на полуслове, и говорит:

– Послушайте, сейчас мне надо закончить обход. Давайте мы поговорим, когда вы приедете в следующий раз.

Она идет в тот конец коридора, где ее ждет медсестра, и говорит на ходу:

– *Сестра* Гильман. – Она говорит быстро-быстро, так что слова натываются друг на друга. – Вы могли бы по крайней мере проявить уважение и называть меня *доктор Маршалл*. Тем более перед *посетителем*. Тем более если вы собрались кричать через весь коридор. Не такая уж и большая любезность, правда, *сестра* Гильман, но мне кажется, я заслуживаю уважительного к себе отношения, и еще мне кажется, что если вы сами начнете вести себя профессионально, то вам сразу же станет проще работать в коллективе...

Когда я возвращаюсь с газетой, мама уже спит. Ее жуткие желтые руки сложены на груди. На запястье – больничный браслет. Запаянная полоска пластмассы.

Глава 4

Как только Денни наклоняется, его парик падает в грязь. Две сотни японских туристов хохочут. Кое-кто подбирается ближе, чтобы снять его бритую черепушку на видеокамеру.

Я говорю:

– Извини, – и подбираю парик. Он уже далеко не белый и изрядно попахивает. Что, впрочем, и неудивительно – вся площадь записана псами и буквально тонет в курином дерьме.

Поскольку Денни стоит, скорчившись в три погибели, галстук болтается у него перед носом и закрывает обзор.

– Слушай, друг, – говорит Денни. – Ты мне рассказывай, что происходит, а то ни хрена не видно.

Вот он я – оплот колониальной Америки первых лет.

Чего только люди не делают ради денег.

На краю городской площади стоит лорд-губернатор колонии, достопочтенный Чарли. Стоит, наблюдает за нами. Руки скрещены на груди, ноги расставлены футов на десять. Молочницы деловито снуют по площади с ведрами молока. Сапожники, как и положено, тачают сапоги. Кузнец стучит молотом по наковальне, на которой – все тот же кусок металла. Он, как и все остальные, упорно делает вид, что не смотрит на Денни, который опять угодил в колодки – у позорного столба в центре площади.

– Поймали меня, я жвачку жевал, – говорит Денни, обращаясь к моим ногам.

Он стоит согнувшись, и у него текут сопли. Он шмыгает носом.

– На этот раз, – говорит он и шмыгает носом, – лорд-губернатор точно выступит на городском совете. Насчет меня.

Я опускаю верхнюю деревянную половину колодок – осторожно, чтобы не прищемить ему шею.

– Прости, приятель, – говорю я, – она, зараза, холодная.

Потом запираю колодки на висячий замок и достаю из кармана носовой платок.

У Денни с носа свисает сопля – прозрачная капелька. Я подношу ему к носу платок и говорю:

– Сморкайся.

Денни сморкается. Я чувствую, как его сопли хлюпают в платке.

Платок весь липкий и жутко грязный, но я не могу предложить Денни чистую одноразовую салфетку – иначе я буду следующим на очереди, кто подвергнется дисциплинарному наказанию. Здесь каждая мелочь может стать крупным проколом.

На его бритой макушке кто-то вывел ярко-красным фломастером: «Отсоси у меня», – так что я встряхиваю его грязный вонючий парик и кое-как надеваю его, чтобы закрыть неприличную надпись. Только парик весь промок, и коричневая жижа течет по лицу Денни и капает у него с носа.

– Теперь меня точно выгонят, – говорит он и шмыгает носом.

Ему холодно, он весь дрожит.

– Слушай, друг, – говорит он, – что-то мне в спину дуется. Посмотри там, ага? Кажется, у меня рубаха выбилась из штанов.

Ага, выбилась. И штаны слегка приспустились. Так что туристы уже снимают его полуголую задницу со всех ракурсов. Лорд-губернатор таращится на все это выпученными глазами, а туристы снимают, как я беру Денни за пояс и подтягиваю ему штаны.

Денни говорит:

– Что хорошо, когда постоянно торчишь в колодках, – говорит он, – что я уже три недели держусь. – Он говорит: – Так я хотя бы не бегаю каждые полчаса в сортир, чтобы там втихаря подрочить.

И я говорю:

– Ты осторожнее, друг. Такое вынужденное воздержание – тоже плохо. Взорвешься когда-нибудь, и абзац.

Я беру его левую руку и запираю ее в колодках. Потом правую. Денни почти все лето простоял в колодках. У него на запястьях и вокруг шеи – полосы белой незагорелой кожи.

– В понедельник, – говорит он, – я забыл снять часы и так и пришел.

Парик снова падает в грязь. Галстук, залитый соплями, болтается у него перед носом и бьет по лицу. Японцы сме-

ются, как будто мы с Денни даем представление – заранее отрепетированный номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.